

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

В. П. К о б ы ч е в

ОБ ОДНОЙ ПОЗАБЫТОЙ ГИПОТЕЗЕ (к этногенезу восточных романцев)

От создания мира в лето 6867 (1359) отоле, произволением божием, начася Молдавская земля. Прииде Драгоше воевода от Угорской земли, от Марамуреша, за туром на лов и господствова два лета.

Молдавская Путнянская летопись

В Европе не много найдется народов, которые появились бы на исторической арене так поздно, как молдаване и румыны, образующие в языковом отношении (вместе с небольшим числом рассеянных по балканским странам аромун) особую восточнороманскую лингвистическую группу. Это тем более удивительно, что восточные романцы не пришельцы в Европе, но относятся к числу ее коренных обитателей.

Сколь поздним, столь же загадочным представляется и происхождение этих народов, известных в средние века под собирательным именем волохов (разночтения: *валахи, власи, влахи*).

В специальной литературе существуют две основные гипотезы о происхождении восточных романцев: карпатская (или автохтонная) и балканская (миграционная)¹.

Согласно первой из них, предки румын и молдаван — потомки древних фракийских племен — гетов и даков, живших к северу от Дуная, которые подверглись в языковом отношении романизации в период господства в этих местах римлян во II—III вв. н. э.

В обоснование этой теории выдвигается много разнообразных фактов, главным образом из области материальной культуры древних фракийцев и современных румын и молдаван. Так, например, румынским историкам, этнографам и археологам удалось установить определенную преемственность древних местных форм рала с элементами римского плуга, некоторых приемов земледелия древних дакийских племен и современных румынских крестьян (в том числе обработка проса, способы подрезки виноградной лозы, рыболовства, выплавка и обработка железа в крестьянском производстве); в покрое одежды, в обрядовых действиях: культ быка, медведя, театрализованные представления с масками, орнаментальные мотивы, музыкальные инструменты и т. д.² Во всем этом сторонники континуитета (непрерывности развития местного этноса в Северном Придунавье и его романизации в римскую эпоху) видят прямое доказательство своей правоты, хотя многие из указанных явлений можно обнаружить и у других народов в самых отдаленных уголках евразийского континента. Иначе говоря, сходство отдельных элемен-

¹ Подробнее см.: Полевой Л. Л. Формирование основных гипотез происхождения восточнороманских народностей Карпато-Дунайских земель. — В кн.: Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев: Штиинца, 1972, в. 1, с. 46—90.

² Рикман Э. А. Проблема этногенеза в современной румынской историографии. — В кн.: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М.: Наука, 1976, с. 232—244.

тов материальной и духовной культуры может иметь конвергентное (независимое) происхождение и объясняться стадийным развитием общества. Нельзя исключить и фактор взаимовлияний и контактов между племенами и народами, имевших место на протяжении истории (ими можно объяснить близость румынских и иранских мелодий, сопровождающих родильные обряды у этих народов и являющихся наследием проживания в Карпатско-Дунайском регионе многочисленных сарматских племен в раннем средневековье). Поэтому нам представляется совершенно справедливым замечание советского исследователя Э. А. Рикмана, что для подтверждения континуитета необходимо «убедиться в индивидуальной принадлежности развивающихся явлений только предкам румын», а главным образом проследить их эволюцию «от гето-дакийской эпохи до современности»³. Тем более, что все это не имеет никакого отношения к процессу глоттогенеза, т. е. к романизации коренного населения в период римской колонизации. Факты же говорят об обратном.

Римское господство в Дакии, т. е. к северу от Дуная, длилось всего лишь немногим более полутора столетий: с 106 по 271 г. — срок незначительный для того, чтобы сельское население, жившее полунатуральным хозяйством и слабо связанное с торговым обменом, полностью отказалось от родного языка и перешло на чуждую ему латинскую речь, обычаи и культуру. Для сравнения можно сослаться на такие провинции Римской империи, как Реция и Далмация, где римское владычество длилось многие сотни лет, и тем не менее романизация не пустила здесь глубокие корни. Более того, до нас дошло свидетельство современников, которые прямо указывают, что, покидая Дакию под напором «варварских» племен, римский император Аврелиан вывел из нее на южный берег Дуная все римское и тяготевшее к римской культуре население, как о том сообщает Флавий Вописк. «Видя опустошение Иллирика и Мёзии, [Аврелиан] покинул провинцию задунайскую Дакию, учрежденную Траяном, отчаявшись в возможности удержать ее; он упразднил в ней войско и провинциальные власти и выведенные оттуда народы (имеются в виду колонисты. Разрядка наша — В. К.) поселил в Мёзии (т. е. на территории современной Болгарии, к югу от Дуная — В. К.), которую назвал Дакией своего имени»⁴.

И. Т. Кругликова пишет в заключение своей монографии, посвященной истории Дакии рассматриваемого периода: «Таким образом, становится понятным, почему римское влияние не было решающим для этих племен (т. е. для даков и других соседних с ними племен того времени. — В. К.), продолжавших развиваться своим путем и после ухода римлян из Дакии»⁵.

Кратковременность пребывания римлян к северу от Дуная и последующее переселение их вместе с тяготеющими к римской культуре колонистами к югу от этой реки способствовали тому, что многие исследователи еще во второй половине XVIII в. стали искать истоки восточнороманского этноса на Балканском полуострове, на территории древних Мёзии и Иллирии, исключив из этого ареала Дакию, т. е. собственно Карпатский регион. Так возникла гипотеза о прерывности романского этнического элемента в районе, прилегающем к Карпатам, где позднее возникают Валашское и Молдавское государства. По мнению придерживающихся этой гипотезы, значительно позднее — в период славянских передвижений на Балканы — романское население, уступая якобы натиску славян, стало перемещаться на север, в сторону Трансильвании, где его и застаёт писаная история.

Балканская гипотеза опирается на более солидную историческую базу, чем теория непрерывности романского элемента в Карпатах. Во-

³ Там же, с. 248.

⁴ Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. — ВДИ, 1949, № 3, с. 266.

⁵ Кругликова И. Т. Дакия в эпоху римской оккупации. М.: Изд-во АН СССР, 1955, с. 74, 162.

первых, римское господство на Балканах, в Мёзии и далее на запад — в Иллирии было несравненно более прочным и длительным, чем к северу от Дуная. Во-вторых, романское население здесь (на правобережье Дуная в среднем и нижнем его течении) сохранялось, судя по некоторым данным, вплоть до IV—VI вв., а местами, как, например, в городах Далмации, по свидетельству Константина Багрянородного, до X в. включительно.

К сожалению, наука не располагает никакими достоверными сведениями, позволяющими документально подтвердить предполагаемое передвижение романизованного населения с юга на север навстречу бесчисленным волнам варварских вторжений, начиная с гуннов, протоболгар, готов, авар и кончая массовым переселением славянских племен в VI—VII вв. на всем протяжении Нижнего и Среднего Дуная, которое завершилось заселением ими большей части Балканского полуострова и ассимиляцией прежнего гето-фракийского населения. Каким образом могло в этих условиях осуществиться никем не замеченное встречное движение романского населения на север трудно представить. Кроме того, требует развернутого обоснования почти неизвестный в истории прецедент перехода земледельческого оседлого населения, каким были древние римляне, к подвижному пастушескому образу жизни. А именно такими бродячими «пастухами» и «охотниками» рисуют нам средневековых волохов все без исключения письменные источники.

Так, византийский писатель Кеккавмен, живший в XI в. и оставивший самое первое известие о волохах на Балканах, сообщает, что «скот влахов и семьи от апреля месяца и до сентября находятся на вершинах гор и в самых прохладных местах»⁶. Подобно этому первое точно датированное известие о волохах к северу от Дуная, где-то на территории Добруджи или Молдавии, принадлежащее византийскому историку Никите Хониату и относимое к 1164 г., также именует этот народ бродячими «охотниками», проживавшими в пределах Галицкой Руси⁷. Это сообщение интересно тем, что как бы перекликается с рассказом Путнянской молдавской летописи, приведенным в начале статьи, в эпитафье об охотнике Драгоше, и хотя этот рассказ можно считать типичным образчиком «бродячего» фольклорного сюжета, нет сомнения в том, что подобного рода легенда могла возникнуть или получить распространение в том только случае, если для этого имелась благоприятная среда: у оседлого земледельческого населения сюжет о приходе на прародину вслед за зверем не может иметь места в принципе.

Скотоводами волохи предстают перед нами и в законнике сербского короля Стефана Душана, составленном в 1349 г., и во всех последующих документах этого региона⁸. Румынский историк С. Драгомир, изучавший социально-экономическое положение волошских селений на Балканах в XIV—XV вв., вынужден был признать существование у них «почти исключительно» скотоводческого хозяйства⁹, черты которого в значительной степени сохранились и в фольклоре современных румын и молдаван¹⁰. К такому же выводу пришел и чешский историк И. Мацирек, исследовавший вопрос о волохах в Западных Карпатах в XV и последующих веках¹¹.

Скотоводство было основным занятием волохов или населения сел, находившихся на так называемом «волошском праве» в Галицкой Руси и практически во всех других местах Карпато-Дунайского региона. Со временем это привело к тому, что этноним *валах* (*влах*, *влас*) в значи-

⁶ Советы и рассказы Кеккавмена. М.: Наука, 1972, с. 259.

⁷ Лисяну-Ропя Г. Дакия в классических авторах. Т. II, с. 139. Цит. по кн.: Мохов Н. А. Очерки истории формирования молдавского народа. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1978, с. 58.

⁸ Подробнее см.: Симпозиум о средневековом катуноу. Сараево, 1961. Краткое содержание докладов (на сербохорватском языке).

⁹ Dragomir S. Vlăhi din nordul peninsulei Balcanice în evul mediu. Bucuresti, 1960, p. 110.

¹⁰ Подробнее см.: Мохов Н. А. Указ. раб., с. 77—79.

¹¹ Maciřek J. Valaři v zapadních Karpatech v 15—16 století. Ostrava, 1959 s. 108.

тельной мере утратил былое этническое содержание и стал своего рода символом пастуха, владельца больших стад (скотовода), наконец, вообще жителя горной местности, даже лесника, горца-стражника или проводника, т. е. перешел в разряд социально-хозяйственной терминологии и культурных понятий¹².

Все сказанное достаточно хорошо известно, и если мы остановились на этом вопросе еще раз, то лишь для того, чтобы показать, что и Балканская гипотеза прерывности не менее уязвима, чем автохтонная Карпатская теория¹³. Можно даже сказать, что практически ни та ни другая гипотезы не располагают достаточно весомыми и убедительными доказательствами своих положений, но исходят исключительно из имевшего место некогда пребывания в Карпато-Балканском регионе римлян, язык которых лежит в основе всех современных романских языков Европы. Это приводит к тому, что в исторической науке нередко говорят о своего рода «загадке» и даже «чуде» этногенеза восточных романцев, которому фактически нет объяснения¹⁴. А между тем никакого чуда не будет, если в решении этого вопроса следовать строго историческим фактам во всей их полноте, а не утвердившимся концепциям и устоявшимся взглядам.

Разгадка кроется в средневековом наименовании предков современных восточных романцев — *волохи*, которое восходит к кельтскому племенному названию *volcae* (*волки*)¹⁵, на что обратил внимание еще в конце 40-х годов С. П. Толстов. Ход его рассуждений был предельно прост. Он сопоставил карту расселения кельтских племен в античную пору с современным ареалом распространения романских языков и народов в Европе. Оказалось, что карты почти полностью совпали, кроме района Карпат и Подунавья. Однако внимательно изучив исторические данные, С. П. Толстов убедился, что кельты в свое время обитали в значительном числе и в Карпато-Балканском регионе — там, где в наши дни проживают румыны, молдаване и разрозненные группы аромун. Из всего этого автор сделал вывод о существовании некоей «структурной близости» между кельтскими языками и древней латынью, что, очевидно, и способствовало поглощению первых из них вторыми¹⁶. Но лингвисты не согласились с выводами С. П. Толстова и категорически исключили какие-либо «особые отношения», якобы имеющиеся между кельтскими языками и латинским, если не считать их общую принадлежность к индоевропейской семье языков. В результате гипотеза С. П. Толстова не получила признания в романистике и была предана забвению. И напрасно.

Дело, разумеется, вовсе не в том, что кельтские языки легче, чем какие-либо другие из европейских языков, подвергались латинизации, а в том, что кельты, и прежде всего та их часть, которая продвинулась в конце античного периода в район Карпат и Северного Подунавья, были уже за много столетий до того основательно романизированы в пределах Апеннинского полуострова. Это хорошо прослеживается по письменным источникам.

Из античных источников известно, что в начале V в. до н. э. кельты, обитавшие до того на юге современной Франции, в сравнительно короткий срок овладели всей Галлией, Пиренеями, переправились в Британию, в то время как другая их часть двинулась на восток и заняла большую часть севера Апеннинского полуострова, которая с тех пор получи-

¹² Грацианская Н. Н., Королюк В. Д. Проблема этногенеза моравских волохов в современной чехословацкой историографии.— В кн.: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М.: Наука, 1976, с. 254.

¹³ Гросул Я. С., Мохов Н. А. Историческая наука в Молдавской ССР. М.: Наука, 1970, с. 50.

¹⁴ Lot E. Les invasions barbares. V. 1. P., 1937, p. 278.

¹⁵ Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958, с. 93; см. также: Иванов В. В., Топоров В. Н. К вопросу о происхождении этнонима «валахи».— В кн.: Этническая история восточных романцев. Древность и средние века. М.: Наука, 1979, с. 61—66.

¹⁶ Толстов С. П. Нарцы и волохи на Дунае.— СЭ, 1948, № 2, с. 35—36.

ла наименование Цизальпинской Галлии. В 390 г. до н. э. кельты напали на Рим, который, согласно легенде, спасся от окончательного разгрома якобы лишь благодаря «бдительности» гусей, посвященных капитолийской богине Юноне.

Минули столетия. Рим окреп и в свою очередь начал распространять свою власть на соседние племена и районы, в том числе захватил и север Апеннинского полуострова, т. е. Цизальпинскую Галлию. Жившие здесь кельты были частью покорены римлянами, а частью снялись со своих мест и двинулись далее на восток, вниз по долине Дуная¹⁷.

Страбон прямо указывает, что в силу особенностей социальной организации варваров, в данном случае именно кельтов, они довольно легко усваивали римскую и греческую культуру и образованность («Они легко доступны соображениям пользы... способны... воспринимать и образование и науку»¹⁸), что неизбежно должно было сопровождаться усвоением и языка более высокоорганизованных и господствовавших народов, т. е. той же латыни, в ее народном произношении. Именно здесь, в пределах Апеннин, в Цизальпинской Галлии, кельты могли (для этого были все объективные условия, в том числе длительность совместного проживания) усвоить романский язык, поскольку, подчинив их своей власти, римляне, как сообщает Страбон, «предоставили италийцам права гражданства и решили даровать то же самое почетное право галатам, живущим по эту сторону Альп»¹⁹. И далее, завершая краткое изложение этнической истории народов севера Апеннинского полуострова, добавляет: «Хотя в настоящее время все они римляне, но тем не менее некоторые из них называются омбрами и тирренцами, а также генетами, лигурами и инсурбами»²⁰ (разрядка здесь и выше наша.— В. К.)

Последнее замечание очень существенно для рассматриваемого вопроса, так как помогает понять, почему термин *влах* (*волох*) в средние века в древнеславянском, польском (*włoch*), а также в словацком стал в равной степени обозначать как романизированное население Карпато-Дунайского региона, так и жителей собственно Апеннинского полуострова (собственно Италии).

С позиций кельтской теории (в нашем ее аспекте) легко объясняется пастушеский, подвижный образ жизни восточных романцев и их «гнездовое» расселение в разных местах Карпат и Балкан, в том числе в таких отдаленных районах, как задунайская Паннония, которая в некоторых источниках позднего средневековья называется «пастбищами римлян»²¹, или Трансильвания — место исхода непосредственных предков румын и молдаван, согласно их летописной традиции (ср. выше эпиграф к настоящей статье) и народным преданиям²².

Кельты в свое время чрезвычайно широко распространились по всему Прикарпатыю и Подунавью. В частности, в верховьях Дуная (Истра) уже при Геродоте обитало кельтское племя *волков*, далее к северо-востоку от них жили *бойи* (откуда средневековое название Чехии — Богемия), на средней Тиссе — *котины*, в Паннонии, в междуречье Дуная и Тиссы, — *япиги* (*япиды*) и т. д.²³. При этом весьма характерно, что одни и те же кельтские племена источники упоминают зачастую в самых раз-

¹⁷ Страбон. География в 17 книгах. Пер. Г. А. Стратановского. М.: Наука, 1964, кн. IV, гл. 4, § 1, с. 186.

¹⁸ Страбон. Кн. IV, гл. 4, § 2, с. 186.

¹⁹ Страбон. Кн. V, гл. 1, § 1, с. 200.

²⁰ Там же, § 10, с. 204.

²¹ Анненский А. Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах и Восточной Европе.— Исторический архив, 1940, т. III, с. 77.

²² Следует оговориться, что исторические судьбы кельтов в разных местах были неодинаковыми. На западе и в Центральной Европе они довольно быстро осели на землю и смешались с покоренным местным населением, тогда как в интересующем нас регионе (в Прикарпатые и на Балканах) волохи сохранили пастушеский быт вплоть до начала II тысячелетия н. э. В настоящей статье нас интересуют, разумеется, только последние.

²³ Filip J. Keltové ve střední Evropě. Praha, 1956, p. 472—474.

ных местностях, что свидетельствует об их мобильности и скотоводческо-пастушеском типе хозяйства. Так, например, *волки-тектосаги* фиксируются почти одновременно в Италии (в Цизальпинской Галлии), во Франции в районе города Толосы (соврем. Тулуза), в Греции, в Прикарпатской котловине (т. е. в Паннонской низменности) и даже в далекой Малой Азии. «Носители этих названий,— пишет чешский археолог Я. Филип,— часто меняли свое местожительство или часть их отделялась от племенного объединения»²⁴.

Археологический «средневековый материал эпохи кельтского господства очень богат», добавляет далее этот автор и помимо прочего показывает «экономическое и общественное перерождение кельтской среды на различных этапах развития»²⁵.

Проживая разбросанно среди других народностей, часто в меньшинстве, кельты нередко попадали под их влияние и ассимилировались ими. Страбон сообщает, например, о япидях, уже в его время представлявших собой народ, смешанный «из иллирийцев и кельтов», который с периода правления Августа находился под прямой властью римлян²⁶.

Чересполосно с другими народами жили кельты и в Нижнем Подунавье и на Балканах («На юг от Истра обитают иллирийские и фракийские племена и все смешанные с ними кельтские и некоторые другие народы вплоть до Греции») ²⁷.

Степень распространения кельтской экспансии была, по-видимому, значительно большей, чем принято думать. Объясняется это тем, что, расселившись на огромных пространствах Юго-Восточной Европы, кельты не смогли образовать единого мощного государства, которое приковало бы к ним внимание историков. Известны лишь отдельные небольшие временные политические и военные образования (дунайский союз бойев или объединение трех галатских племен в Малой Азии). Между тем все, кто в той или иной мере интересовались кельтской проблемой, были поражены обширностью расселения кельтов и, как следствием этого, их культурным влиянием на окружающие народы.

В I тысячелетии до н. э. кельты заселяли большую часть территории будущей Внутренней и Южной Германии, а собственно германские племена в то время обитали главным образом в Ютландии, Скандинавии и приморских районах.

Отголосок этого можно усмотреть в сообщении Цезаря о том, что «было время, когда галлы (римское наименование кельтов.— В. К.) превосходили храбростью германцев, сами шли на них войною и, вследствие избытка населения при недостатке земли, высылали свои колонии за Рейн. Таким образом, самые плодородные местности Германии сколо Геркинского леса... захватили вольки-текстосаги (т. е. *волки*—*волохи*.— В. К.) и там поселились. Народ этот до сих пор живет там и пользуется большой славой за свою справедливость и военную доблесть»²⁸ (разрядка наша — В. К.). Упомянутый Геркинский лес тянулся вдоль Дуная вплоть до Карпат, где кельты соприкасались с даками, чем и объясняется наличие отдельных элементов преемственности в культуре последующего восточнороманского населения этих мест.

А. А. Шахматов относил к кельтскому населению большую часть гидронимии Восточной и Южной Германии, Польши и даже части западных районов Центральной России вплоть до Верхней Волги, Южной Прибалтики и Карпат, в том числе названия рек *Висла*, *Везер* (от кельтского *veis*, *vis* — течь). К этому следует прибавить массу топонимов на всем указанном пространстве, образованных от названий различных

²⁴ Ibid., p. 473.

²⁵ Ibid., p. 474.

²⁶ Страбон. Кн. IV, гл. 6, §10, с. 209.

²⁷ Страбон. Кн. VII, гл. 1, § 1, с. 290.

²⁸ Гай Юлий Цезарь. Гальская война. Кн. VI, § 24.— В кн.: Записки Юлия Цезаря и его продолжателей... Пер. и комментарии акад. Покровского М. М. М.: Изд-во АН СССР, 1962, с. 97.

кельтских племен, как, например: *Галич*, *Галац* — город в Румынии (ср. *Галата* — квартал Стамбула), нас. пункт *Голотнеск* в Полоцкой земле, *Голота* — в бывшем Лиепайском уезде Витебской губернии, *Galatiwa* — урочище в Ковенском уезде, или летописная *Болоховская земля* и другие аналогичные топонимы, произведенные от этнонима *волох*, исчисляемые в обрисованном ареале многими десятками²⁹.

«Чудовищный разлив кельтской речи в Европе» признавал академик Н. Я. Марр, основываясь на утверждении античных авторов о том, что «будто земля кельтов так велика и обширна, что от Внешнего моря и самых северных областей обитаемого мира простирается на восток до Меотиды и граничит со Скифией Понтийской... Здесь кельты и скифы смешиваются»³⁰. Подтверждением последнего могут служить такие возникшие в описываемую пору составные этнические названия, как *кельтоскифы*³¹ или *Галлогреция*³².

О том, что кельты жили на обширных просторах Центральной и Юго-Восточной Европы, свидетельствует и археология, по данным которой с кельтскими племенами можно связать и латенскую культуру, и последующие археологические культуры, в том числе распространенные и в украинской Галиции, Северном Причерноморье до низовьев Кубани включительно³³.

Впрочем, археология далеко не всегда в состоянии подтвердить сказанное, поскольку, по признанию одного из ведущих археологов-кельтологов Я. Филипа: «Это только лишь предположение, что начало плоских могильников соответствует исторически доказанному приходу кельтов в Среднюю Европу и Италию около 400 г. до н. э., равным образом является только предположением мнение, что кельты во время своего прихода принесли уже в готовом виде латенскую культуру»³⁴.

Действительно, если строго следовать историческим сведениям, то образование латенской культуры не совпадает с началом движения кельтов со своей прародины. Достаточно сказать, что кельты на Верхнем Дунае были известны уже Гекатею и Геродоту (V в. до н. э.). В IV в. до н. э. кельты обитали у Адриатического моря, в Далмации и служили в войсках Александра Македонского³⁵. Латенская же культура формируется фактически лишь в III в. до н. э. Очевидно, потому, что латен, или собственно кельтская культура, возникла значительно позднее, когда кельты в какой-то мере осели в тех или иных местах и смешались с местным населением. Это признают и археологи, которые, говоря словами Я. Филипа, считают латенскую культуру «результатом замечательного взаимодействия различных составных частей (т. е. предшествовавших ей местных культур аборигенного населения), которым кельтская среда придала определенный характер»³⁶. Для нашей темы важно подчеркнуть особенно то обстоятельство, что по своему содержанию латенская культура была весьма близка к собственно римской, или латинской, культуре³⁷. Отмечается также определенное воздействие на формирование латена и со стороны эллинистической художественной традиции³⁸.

Упадок в начале нашей эры латенской культуры во многих случаях был связан с падением могущества кельтов и разгромом их политических центров, как, например, в Богемии, где племя боев было едва ли не це-

²⁹ Шахматов А. А. К вопросу о славяно-кельтских отношениях. Казань, 1912.

³⁰ Плутарх. Сравнительные жизнеописания. М.: Изд-во АН СССР, 1963, т. II, Гай Марий, § 11, с. 71.

³¹ Плутарх. Там же; Страбон. Кн. XI, гл. 6, § 2, с. 517.

³² Страбон. Кн. XII, гл. 5, § 1, с. 577.

³³ Будзиля В. И. Латенская культура на территории Закарпаття: Автореф. дис. па соискание уч. ст. канд. истор. наук. Киев, 1966, с. 24.

³⁴ Filip J. Op. cit., p. 478.

³⁵ Страбон. Кн. VII, гл. 3, § 8, с. 308.

³⁶ Filip J. Op. cit., p. 506.

³⁷ Нидерле Л. Человечество в доисторические времена. Доисторическая археология Европы, и в частности славянских земель. Пер. Ф. К. Волкова. СПб., 1898, с. 441

³⁸ Погодин А. Л. Из истории славянских передвижений. СПб., 1901, с. 4.

ликом уничтожено даками Борейбисты³⁹. Ослабленные и разрозненные кельтские племена в последующую эпоху уцелели лишь в горных районах, где сохранили свой прежний полупастушеский, полукочевой образ жизни, ярко описанный Плутархом применительно к кельтоскифам Прикарпатья и Северного Причерноморья. Они «не кочуют непрерывно, но каждое лето, снимаясь с места, продвигаются все дальше и дальше и уже долгое время ведут войну по всему материку»⁴⁰. Надо полагать, что и сам термин *кельтоскифы* следует понимать не столько как этнически смешанный конгломерат племен (что, разумеется, тоже могло иметь место), но главным образом как отражение указанного пастушеского (*скифского* в глазах античных авторов) способа хозяйствования и быта. Но именно такими и застаёт волохов средневековья писаная история — пастухами, полуномадами, пока они не образовали свои самостоятельные государства — Молдавию и Валахию.

Подводя итог изложенному, необходимо еще раз подчеркнуть, что проблема происхождения восточнороманских народов отнюдь не исчерпывается сказанным. Формирование любого этноса — процесс, далеко не однозначный и хронологически не единовременный. В этом плане этногенез восточных романцев не представляет собой исключения. Помимо кельтского ядра в состав современных румын и молдаван и других групп романизованного населения Балканского полуострова вошли, вне всякого сомнения, потомки древнего фракийского (прежде всего гето-дакийского) населения. В эпоху «великого переселения народов» здесь проживали и частично осели многочисленные пришлые «варварские» племена, которые также оставили свой след в этом процессе. Огромную роль в сложении и всей этнической истории восточнороманского этноса сыграли славяне, вклад которых в физический облик, язык, культуру этих народов трудно переоценить. Достаточно сказать, что, например, в современном молдавском языке славянские слова составляют заметную часть обиходного речевого фонда. Славянскими по происхождению являются большинство терминов земледелия, многие понятия материальной и духовной культуры, социальных отношений. На славянском языке написаны первые молдавские летописи. Однако учет всех этих явлений лежит вне компетенции данной статьи. Мы ставили перед собой гораздо более скромную задачу — привлечь внимание специалистов к роли кельтских племен на ранних этапах сложения восточнороманских народов, которая, по нашему мнению, до сих пор недостаточно учитывалась исследователями, и прежде всего в отношении того, кто мог оказаться первоначальными носителями и хранителями романской речи в интересующем нас регионе. В какой степени это нам удалось, пусть судит сам читатель.

³⁹ *Страбон*. Кн. VII, гл. 3, § 11, с. 278.

⁴⁰ *Плутарх*. Т. II. Гай Марий, гл. XI, с. 71.